

Ольга Грибанова
Миг рождения

Избранная проза

Ольга Владимировна Грибанова

Миг рождения.

Избранная проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202885

ISBN 9785448354175

Аннотация

В сборник включены три произведения. Рассказ «Миг рождения» – размышление о том, когда и как начинается жизнь человеческой личности. Пародийный киносценарий «Интерактивнейший урок» рисует фантастическую картинку: каким было школьное обучение в прошедшие века и каким оно будет в будущем. Мистическая повесть «Неведомый путь» повествует о человеческом предназначении.

Содержание

Миг рождения	5
Интерактивнейший урок (Киносценарий)	13
Сцена 1	14
Сцена 2	16
Сцена 3	18
Сцена 4	20
Сцена 5	22
Сцена 6	24
Неведомый путь	25
1	26
2	31
3	37
4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Миг рождения

Избранная проза

Ольга Грибанова

© Ольга Грибанова, 2016

ISBN 978-5-4483-5417-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Миг рождения

Тьма. Безмолвие. Холод. Так ли?

Как описать мир, что был до начала мира?

Тьма? Но кто же вглядывался в нее?

Безмолвие? Но кто же вслушивался в его мертвый поток?

Холод? Но кто пытался в нем согреться?

И долго ли спал он мертвым сном, невидимый, неслышимый, неосязаемый?

Вечность? Или один ничтожный миг перед началом все начал?

Свершилось! Вот оно! Пронзая, комкая, воспламеняя мертвое безмолвие. полетело над миром Слово и вмиг запо-

лонило собою:

– Люблю!

– Люблю!

– О, прекрасна ты, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные...

– О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас зелень...

Может, был то шепот, но он был подобен крику. Может, был то крнк, но кому было услышать его?!

Но услышало! Возникло из пустоты, задышало, забилося, и услышало:

– Люблю тебя!..

– Люблю, люблю!...

Растет крохотная звездочка, растет, набирает силу и ловит, впитывает великое Слово!

Больше не пуст и не одинок мир. Стал он светлым и теплым – ибо есть в нем Светило!

Стал он добр и уютен – ибо есть в нем Свет и Тепло!

Наполнился он благозвучием – ибо есть в нем Слово!

Вечность прошла или миг единый, кто знает, но взрастило Слово из крохотной звездочки новое Слово.

И проснулось оно для жизни.

Сон... сон... сон..

Нужно ли просыпаться, если в мире есть только сон... Он всегда был и всегда будет... Сон-н-н-н...

Холод!.. Откуда этот холод, и мрак, и страх?.. Помогите!..

Прежнюю тишину разрывают раскаты грома!..

– Голубушка! В чем дело! Вы что это здесь напоролитесь?! Кто у меня такую работу примет?!

– Ой!.. Извините, сейчас переделаю!.. Простите, плохо себя...

– Деточка! У нас не богадельня, а серьезный проект! Не можете работать – вон у дверей очередь, все на ваше место хотят!

Страх! Тоска! Гибну! Все гибнет вокруг! Почему?.. Откуда эта беда?..

– Ну что же, все благополучно. Регистрирую беременность: шесть недель, беременность первая...

– Первая!..

Расступились тяжкие тучи, просияло Светило.

Где они, эти тучи? Ушли давно.

Давно, давно все это было.. Было ли? Но ведь что-то пробудило от безмятежного сна. Пробудило и ушло.

Покой... покой... покой... тепло... мир...

Мир – это покой и тепло... Покой – это тепло и мир... В этом мире – Я. Что это – Я?

– Ну-у. правда? Это я, значит, буду папой? А ты будешь мама!.. Мама!..

Как сияет оно, как ласкает! Каким светом омыло меня мое чудное Светило... Теперь я знаю, как назвать его – МАМА!

Я нежусь и расту, расту, расту в его лучах.

Я уже такой большой и сильный. Я стал другой. Во мне

откликнулась та же музыка, что и вокруг меня.

Звучит она неумолчно: туммм-тутуммм! туммм-тутуммм!

А во мне все подпевает: тиммм-титиммм! тиммм-титиммм!!!

Я все тверже! Я все жестче! Я уже сам двигаюсь, когда хочу. Сунься сюда темная туча – не испугаюсь!

Да я ее просто на кусочки раздеру и проглочу! Могу! Только еще не знаю как!

– М-м-м...

– Что с тобой? Тебе плохо? Сядь!

– Ничего... ничего...

Ох, и давно все это было! Какой я был тогда маленький и смешной! Теперь, с вершины прожитых веков, оглядываюсь назад – маленький комочек живой плоти. даже головы толком не было!

А теперь есть! Теперь я мудр и знаю этот мир, как свой хвост. Он у меня очень красивый! Я им шевелю. когда двигаюсь. И с боков у меня что-то выросло, так приятно копошится. Это я плаваю.

И вижу удивительные картины. То я плоский ромбик, отливаю серебром в лучах моей Мамы. То я весь круглый, всеми красками переливаюсь! А хвост-то у меня – хорош! И глаза есть: я вижу ими округлый плотный свет моей Мамы. И жабры есть: ими я вдыхаю Маму.

А рот-то у меня какой! Я им пожираю все на своем пути.

Жру, жру без конца! Все живое мчится прочь от меня, но я настигаю и...

– Что с тобой! Что ты злишься!? Что я тебе плохого?...

– Нет, нет, прости!.. Я какая-то ненормальная стала! Сама не знаю, что говорю! Прости, милый!..

Мчится... Жабры...

Что-то в памяти было, но накатилась волна и смыла, как след на мокром песке. Еще волна, и еще – и вот все чисто и гладко во мне.

А след-то где? Хочу оставлять следы! Я для этого рожден. Это когда-то давно я думал, что плаваю. И жабры... не помню, что это такое..

Но теперь-то я умею думать и чувствовать. Я все знаю о жизни: вон какая у меня огромная головища для этого! Я знаю, что руки и ноги мои созданы для тверди. А хвост ничуть не мешает..

А разве он был, этот хвост? Не помню. Зачем он мне, если есть руки и ноги. Хочу оставлять следы! Хочу!

Где-то близко твердь, совсем близко,, Сейчас, сейчас коснусь!.. Еще немного!... Есть!

– О!..

– Что ты?

– Не знаю!.. Это Он, наверно!.. Он шевельнулся...

– Уже? Не может быть!..

– О!.. Это Он!..

Прекрасен и велик мой мир! Он мой! Он создан для меня. Я был в нем всегда и буду всегда. Я и Мама! Мама и я!

Мне хорошо, когда ее голос весел, когда ей нигде не больно и легко дышится.

Мне плохо, когда она устает и жадно ловит ртом воздух, а сердце ее выбивает гневную дробь. И я мечусь, мечусь, не ведая, что делать!

А если рядом Папа, то я счастлив, потому что счастлива Мама. Льется, льется в меня потоком ее любовь по длинному канатику, который начинается у меня в животе и уходит куда-то в вечность. И я расту...

И хочу пищи. И побольше. Я знаю, какая это хорошая штука. Она приходит с бульканьем и журчаньем откуда-то из вечности, и Мама тут же начинает ее готовить для меня. Вся твердь вокруг наполняется аппетитными звуками, приходит в движение. И я тоже в предвкушении трапезы кручусь, приплясываю, дергаю свой канатик: скорей, скорей!

И вот кушать подано. Какой сытый вкусный покой наполняет мое тело. Засыпаю в блаженстве!

– Такой жор на меня напал, ужас! Все время есть хочу!

– Ну и ешь на здоровье!

– Нельзя! Врач ругается! В весе много прибавляю. А как хочется!..

Фу-у-у! Теснотища! Удивительно нелепый мир! Не развернуться в нем с моими способностями!

Вечные запреты и ограничения. Зачем ты мне их выдумала? Как ты вообще собираешься решать мои проблемы в этой тесноте? Удивительное легкомыслие!

И сколько можно на меня давить?!

Как загрузит свой желудок и твердым, и жидким, как пойдет вокруг и треск, и гром, и урчание – не знаешь, как повернуться, не то, чтобы сосредоточиться на моих мыслях. Никаких условий для развития!

Ну, вот опять! Кончай, говорю! Я вовсе не нуждаюсь в твоей пище! Сам добуду, какую захочу.

Слышишь? Прекрати на меня давить, а то, как двину ногой!

– Ух ты! Как запрыгал! Футболист! Весь в меня! Тебе не больно?

– Немножко... Приятно... Радостно... Маленький мой...

Сколько можно терпеть это унижение! Почему я должен зависеть от чьей-то призрачной воли? Кто вообще дал ей право носить меня в себе? Она меня спросила? А может, это я ее в себе ношу! Хорошая мысль! Почему бы и нет. Я – венец природы. Ничего не вижу вокруг совершеннее себя!

Только эта дурацкая пуповина... Как она меня унижает! Какая мука! Стоит только мне собрать силы, сконцентрироваться для последнего и решительного боя, она опять отравляет меня своей любовью, всякой сладкой благодатью! Опиум для народа – вот что это такое! Я противен сам себе!

Нет, это больше нельзя терпеть! Оторвать ее от себя – и быть навсегда свободным от... кого... Ни от кого! Нет там ничего, кроме природных катаклизмов! Есть только Я! Это звучит гордо!

Да рвись же ты, наконец!..

**– Скорая? Тут у нас роды!.. Первые... срочные... безре-
менность первая... Диктую адрес!..**

Мама! Сжался, не прогоняй меня!

Помилуй, я же твой! Вся жизнь моя в Тебе!

Что делать мне теперь? Прости, смилуйся надо мной!

Я ведь еще так мал, слаб и глуп. Лишь чуть-чуть умнее стал я, ибо осознал глупость свою...

Больно!.. Страшно!.. Гибну!..

Ма-а-а-м-а-я-я-я-я-я!..

– Ну вот, какой славный пацанчик родился! Крикун, голосишко хороший – в депутаты пойдет! Смотри, мамочка, на сына!

– Это... он?.. Маленький мой!.. Здравствуй!..

Интерактивнейший урок (Киносценарий)

Сцена 1

2114 год. Ученик Пет в учебном кресле. Против него сидит голографический преподаватель Фил.

Фил: Пет, задание ты не выполнил. Вместо того, чтобы проверять на практике траекторию падения с 96 этажа, ты подключился к детективному каналу и ловил кибервирусы.

Пет: Да... Там 15 уровень, знаете, какой интересный! Пришлось сбазучить вектор гексогаксонии, я там чуть не встрюпился! А я, знаете, кем был? Касперским! Это мой любимый сыщик! Доктор Веб мне не так нравится, занудный, никакого драйва! И тут вирус у меня прямо из-под руки девчонка увела – Алекса! Ну, почему девчонкам разрешают с нами играть? Так не честно! У нас разные интеллект-категории!!! Так она, конечно, всегда будет из-под руки... где мне за ней!...

Фил: Я тебя понял. Ловить кибервирусы интересно, сам в детстве любил. Но задание не выполнено! Ты остаешься без награды: твой забор будет красить сегодня Тома Сойерова!

Пет: Ну почему!.. Ну за что!.. Так не честно!.. Почему я должен так интерактивно учиться? Почему я должен падать с крыши, чтобы вычислить скорость падения? Почему я должен вылупляться из яйца, чтобы изучить физиологию петуха? Почему меня рубят под корень, съедают за обедом, сталкивают с планетой Нибиру? Вот хорошо было в старые

времена: книжку почитал, что-то написал – и задания сделаны. И учились все вместе, весело было!..

Фил: Ты так считаешь? Хорошая идея! Сейчас ты понаблюдаешь за процессом обучения **в разные эпохи. И потом расскажешь мне, где тебе больше всего понравилось.**

Пет: Опять! Не-е-е-ет!...

Голос его затихает, экран заволакивается пеленой, спецэффекты под музыку.

Сцена 2

2114 год до нашей эры. В тени виноградника на траве сидят мальчики в хитонах. У них в руках деревянные дощечки для письма. Перед ними по лужайке прогуливается взад и вперед строгий старик. Это мудрец Филипп. Пет сидит на траве позади остальных, он в таком же хитоне. И зовут его теперь Петроний.

Мудрец Филипп: Еще раз хором из Фалеса Милетского!... Запе-е-евай!

Мальчики поют: Прекра-асен поко-ой, опа-асна опро-ме-етчивость, ме-ерзостна коры-ысть...

Мудрец Филипп (грозно): Кто внес сейчас дисгармонию? Кто сфальшивил на четверть тона?

Мальчики (горестно качают головами): Петроний... Петроний... Петроний...

Мудрец Филипп: Петроний, ты не боишься гнева богов? Дисгармония противна природе человеческой! А ты всем существом своим противишься гармонии!... Сколько часов в день ты посвящаешь музыке? Отвечай!

Петроний молчит сокрушенно.

Мудрец Филипп: Проверяю знания твои! Кто старше из всех богов?

Петроний (робко): Но Бог один!..

Мудрец Филипп: Не желаю слышать безобразные речи!

Отвечай: что прекраснее всего в мире?

Петроний (*увереннее*): Космос, ибо он творение Бога!..

Мудрец Филипп (*вкрадчиво*): Какого именно?

Петроний (*еле слышно*): Но Бог один!..

Мудрец Филипп: Где ты нахватался этого единобожия?

Позови своего педагога! Раб, подойди сюда!

Раб-педагог приближается и падает на колени.

Мудрец Филипп: Ты не выполняешь своих обязанностей, педагог! Иди в дом к управляющему и передай, что ты наказан! Десять плетей тебе, педагог!

Петроний: Не-е-ет!...

Голос его затихает, экран заволакивается пеленой, спец-эффекты под музыку.

Сцена 3

1114 год нашей эры. Темное помещение, освещенное факелами. Длинный стол. За столом сидят мальчики в темных балахонах. Из угла в угол, перебирая четки, ходит монах-францисканец в хламиде, опоясанный вервием.

Монах Филипп: Кто этого не видит, тот слеп.

Дети хором: Кто этого не видит, тот слеп...

Монах Филипп: Кто же видит, но не хвалит, тот неблагодарен.

Дети хором: Кто же видит, но не хвалит, тот неблагодарен...

Монах Филипп: А кто возражает хвалящему, тот безумен.

Дети хором: А кто возражает хвалящему, тот безумен...

Монах Филипп: Пьер, поднимись! И читай дальше один! Почему ты сейчас шарил глазами по стенам? Дьявола искал? Читай!

Пьер (*дрожащим голосом*): Человек благоразумный... человек благоразумный... ни в коем случае... Учитель, простите, я не могу понять, про что мы читаем!..

Монах Филипп: Ты осмеливаешься желать понять? Понимать – это только господу нашему Иисусу дано! А ты жалкий червь! Твой удел во прахе ползать! Повторяй слова и не пытайся задуматься! Это дьявольский соблазн! Сколь-

ко часов в день ты посвящаешь молитве? Не-ет, Пьер! Я вижу, ты предался злему духу искустителю. Тебя нужно скорее спасать! Розги сюда, быстро! Пока еще не поздно! Ложись на лечебную скамью!..

Пьер: Не-е-е-ет!..

Голос его затихает, экран заволакивается пеленой, спец-эффекты под музыку.

Сцена 4

1914 год. Гимназия. Школьники в гимназической форме за партами. Учитель в вицмундире ходит по классу.

Учитель Филипп Филиппыч: На прошлом уроке, господа, мы с вами познакомились с жизнеописанием великого поэта Михаила Хераскова. А также читали мы с вами великую его поэму «Россиада». Дома вам велено было выучить наизусть отрывок из этого творения. Желательно было бы, господа, послушать сегодня господина Петрова! К доске, господин Петров.

Гимназист Петров медленно и понуро выходит к доске.

Учитель Филипп Филиппыч: Мы все обратились в слух, господин Петров. Начинайте!

Гимназист Петров: Стон слышан на воде... э-э, вопль слышан на земли. Струи... м-м-м... ко дну влекли, огнем россиян жгли... Филипп Филиппович, а можно я лучше Пушкина поэму «Полтава»?.. Я ее всю знаю наизусть!.. Пожалуйста!...

Учитель Филипп Филиппыч: Вы не выучили урок? Опять? Сколько часов в день вы посвящаете выполнению заданного в классе? Несите дневник, господин Петров! Единица! Сегодня вы остаетесь после уроков на три часа без обеда и учите заданный мною отрывок. Плюс к этому еще прозаический отрывок из «Бедной Лизы» господина Карамзина.

Гимназист Петров: Не-е-е-ет!...

Голос его затихает, экран заволакивается пеленой, спец-эффекты под музыку.

Сцена 5

1964 год

Учительница Филиппова в строгом темном костюме, волосы гладко зачесаны в пучок. Она прохаживается между рядами с классным журналом в руках.

Филиппова: У кого тут под конец четверти двойки незакрытые? Сейчас посмотрим! Ага! Петя! Ну что ж, даю тебе последний шанс! Слушаем тебя: три источника и три составных части марксизма!

Петя (*поднимаясь с места*): А-а, три источ... Да, я учил!... Сейчас!... (*Толкает соседку с косичками*) Алексеева, слышь, подсказывай!... Да, я сейчас... учил...

Алексеева (*шепотом*): немецкая философия... английская политическая экономия... французский социализм...

Петя: Английская философия, еще немецкий социализм, еще чего-то французское... экономия... политическая...

Филиппова: Петя! Я тебе удивляюсь! Как это можно не знать! Сколько часов в день ты посвящаешь изучению произведений Владимира Ильича Ленина? А? И ты хочешь, чтобы тебя приняли в комсомол? Да кому нужен такой комсомолец? Да кому ты вообще будешь нужен без комсомола? И в ВУЗ тебя не возьмут, и на хорошую работу не примут! В дворники! Хочешь, Петя, в дворники?

Петя: Не-е-е-ет!..

Голос его затихает, экран заволакивается пеленой, спец-эффекты под музыку.

Сцена 6

2114 год. Комната. В кресле голографический учитель Фил.

Появляется Пет и широкими шагами идет к окну!

Фил: Куда ты, Пет?

Пет: Изучать траекторию падения с 96 этажа!

Распахивает окно! Делает шаг!

Пет: Да-а-а-а-а!!!!...

Музыка-музыка-музыка!.. Спецэффект на спецэффекте!..

Конец!

Неведомый путь

Я пробудился от сна или смерти? Кто скажет мне? Некому – я одинок. Надо мной темная высь. Подо мной темная твердь. Вокруг темная пустыня. Вглядываюсь, вслушиваюсь, внимаю миру, в котором мне жить.

Много ли времени прошло, мало ли времени прошло – кто считал его в этом пустом мире, – когда понял я, что высь надо мной не темна, а выстлана звездами, и с каждой минутой они все ярче. И вот уж твердь подо мной озарилась их зыбким светом. Неровными изломами замерцал мелкий гравий и песок. А где-то рядом слышался мне плеск воды. Ручей?

Поворачиваюсь на плеск, потому что захотелось вдруг чистой воды. Да, он недалеко, он искрится меж камней. Тянусь к нему, но рук и ног моих я не вижу и не ощущаю, будто нет их. А должны ли они быть? Пытаюсь разглядеть себя, но вижу только темную бесформенную массу, растекшуюся по мелким камушкам.

И тогда я приказываю себе: вперед! И темная масса начинает неощутимо для меня двигаться. Меня даже радует эта простота моего существования. Я делаю усилия и перетекаю пядь за пядью туда, где мерцает вода в свете звезд.

Еще бросок, еще движение – и вот я погружаюсь в воду и начинаю жадно пить.

Ага, губы-то есть у меня, и рот есть, и глотка! Упругие холодные шарики спускаются по пищеводу в желудок. И тогда руки мои просыпаются! Я оказывается, опираюсь ими о каменистое дно ручья, а они слушаются и держат мой вес. Я уже смутно вижу их в переливах воды. Ее холод прокатывается по всему телу, и ноги в ответ вздрагивают – они тоже есть!

Последний глоток – и я выпрямляюсь, встаю на ноги, встряхиваю застывшими в холодном ручье руками.

В темном мире что-то произошло, пока я оживал в ледяной воде. Во тьме появилась едва заметная полоса горизонта, поверх нее расплзается по небу лиловый поток. Мир наполнился звуками, и они все ярче и отчетливее: легкий звон, тихий гул, мягкий шорох.

Но вот что-то темное явилось в небе ниоткуда, заслоняя собой звезды, закрывая горизонт. Нарастает гул и всплески – как мокрые простыни на веревке, как паруса в бурном море, как знамя над летящим в бой всадником.

Я только успеваю подумать: руки-ноги появились, а когда же страх-то у меня появится? Нет ни страха, ни простого любопытства – в своем одиночестве я заперт надежно, нет дороги туда ни другу, ни врагу.

Порыв ветра свалил меня на землю. Мелкие камушки впились в голые колени, и я с удивлением спросил себя: что это, зачем это?

Прямо передо мной в свете утреннего горизонта возник-

ли огромные львиные лапы, опустились, вмялись в жалобно заскрипевший песок. Мощное туловище выросло передо мной стеною, а сверху навис тяжелый загнутый клюв. Великан склонил голову набок, по-птичьи. Огромный выпуклый глаз сверкнул на меня угольным блеском.

— Еще один вылупился, — донесся сверху глуховатый низкий его голос. — Приветствую тебя, Половина!

Мне было так удивительно и радостно слышать его речь, что я выпалил все сразу возникшие у меня вопросы:

— Ты кто? А где я? И откуда ты? Почему я Половина? Я половина чего?

— Я — Грифон, — величественно раздалось сверху, — а ты — Половина. Ты одинок?

— Да... — растерянно отозвался я, и от жалости к себе защипало в горле.

— Целостное творение не бывает одиноко — оно заполнено. Одинок — значит, пуст наполовину.

— Понял, — обрадовался я своей смышлености. — А почему я здесь? И почему ты здесь?

— Я здесь, потому что это гнездо мое. Вечно подбрасывают мне тех, кому пора вылупиться, — голос Грифона был насмешлив, но добродушен. — А ты здесь, потому что захотел себя наполнить. Но можешь и обратно вернуться, — как будто ледяной ветер прошумел в голосе Грифона, — в любой момент можешь. Скажешь себе: назад — и повернешься к своему Пути спиной. Вот и вся премудрость.

– Я не хочу спиной... Мой Путь начинается здесь? Он уже начался?

– Первый шаг сделать помогу. Дальше – сам!

Огромная голова склонилась ко мне. В свете розовеющего горизонта перья переливались металлическим блеском. В гладкий выпуклый глаз заглянул я, как в зеркало: жалконький, взъерошенный, еще бы, только что вылупился. Лицо наполовину в тени, глазик круглый, ротик приоткрыт. Похож ли на себя? Можно подумать, я помню, каким был.

Загнутый крюком клюв раскрылся, сильно, но не больно сдавил мое тело с боков и поднял. Изогнувшись, Грифон аккуратно опустил меня на свою плотную теплую спину. С двух сторон громоздились огромные крылья с твердыми блестящими перьями. Я почувствовал себя младенцем в кроватке.

– Удобно сел?

– Ага, удобно.

– Заройся в перья на моей шее и держись.

– А если упаду?

– Значит, не твой был этот Путь. Смотри вперед – там сейчас загорится Свеча. И Путь твой начнется.

Горизонт уже не светил, а вспыхивал яркими пятнами. В его свете ясно видел я каменистую пустыню, разглядел и ручеек, текущий из одной бесконечной дали в другую бесконечную даль. Пустыня розовела с каждой секундой, будто раскаляясь изнутри.

– Ты видишь? Смотри, малыш!

Над горизонтом зажглась ослепительная искра, потянулся от нее пламенный язычок.

Вот плеснуло – и полилось!

И увидел я рядом родные глаза, и согрела ладонь мою родная рука, застучало рядом сердце в такт с моим. И тогда наполнился я до краев!

– Увидел, малыш? Все увидел? Молодец, мой птенчик! А теперь в путь.

И поднялись шатром надо мною могучие крылья.

Без сил, почти без сознания опустился я на землю. Над головой моей гулко захлопали крылья: «Прощай, малыш!» – донесся низкий голос и растаял в светлом небе.

Прикрыл я глаза и сидел долго-долго, не чувствуя ни рук, ни ног, как в миг своего рождения. Так велико было мое напряжение, так держался я из последних сил за жесткие, как металл, перья Грифона, так вжимался я ногами в малейшие неровности на шкуре Грифона, что совершенно обессилел.

И как-то незаметно задремал.

Разбудило меня новое ощущение тепла и покоя в ногах и правой руке. Особенно тепло было руке, тепло и щекотно. Что-то живое дышало теплом под нею.

Потихоньку возвращаясь из сна, я удивился, а что ж я не вижу ничего! Темно? Да нет, я просто забыл раскрыть глаза и сижу, как слепой. Глаза, раскройтесь!

Огромный пес у моих ног вопросительно заглядывал мне в глаза, высунув от усердия розовый язык. Славный, большой, белый пес с бурыми пятнами и густой теплой шерстью. Правая рука моя лежала на его лохматой голове, и чуткие уши щекотали ладонь.

– Просыпайся, что ли! Здоров ты спать, щеняра! Глазенки прорезались – так ты смотри на мир, впустую ими не хлопай! – добродушно проворчал пес. Он, кажется, засиделся,

сторожа мой сон, и ему не терпелось размяться.

Выскользнув из-под тяжелой моей руки, он встряхнулся и исчез из виду. Окончательно придя в себя, я обвел взглядом мир. Оказалось, что я удобно сижу на старом замшелом пне, а спина моя опирается о широкий ствол дерева. Густая листва с низко склоненных ветвей защищает меня от солнца, уже поднявшегося высоко над горизонтом. Вокруг луга, белые от кашки, далекие холмы и деревья с раскидистыми кронами. Кажется, так в разных миссионерских книжечках изображаются райские кущи. По этим кущам уже деловито носился мой Пес, аккуратно пометая каждое дерево. Закончив обход, он потрусил ко мне, приветливо помахивая хвостом.

– Эй! – гавкнул. – Вставай! Вставай! Пора!

– Куда?

– Провожу. Я всех провожаю. Глаз да глаз за вами, щенятами.

И пошли мы по цветущему душистому клеверу, как по об- лакам.

Пес то отбегал, то подбегал, клал зубами, ловя какую-то живность в воздухе. Без конца общался с кем-то или чем-то рядом со мной, будто по мобильнику:

– Да, скоро, скоро! Щеняру доведу, прослежу, чтобы все как надо... Сама знаешь, как бывает... А там встретимся в наших кустах... Рад видеть, как здоровье?.. Чего под лапу лезешь?! Нечего ныть! Подумаешь, наступили на него!.. Я те

покусаюсь! – и тут же, оборачиваясь ко мне. – Осторожно, тут осиное гнездо, стороной обойди.

Так по белому клеверу вышли мы на узкую тропинку. Через десяток шагов она влилась в дорожку, незаметную в густых травах. Дорожка постепенно пошла в гору, неведь как выросшую впереди. Со всех сторон, как в реку, вливались в дорожку тропинки, наполнялась она ими, ширилась и росла, и все круче уходила к небу.

Наконец, стало ясно, что где-то близко вершина. Еще несколько шагов...

Мой спутник стал серьезным, замолчал, пошел рядом ного в ногу, изредка вопросительно вскидывая голову, чтобы поймать мой взгляд.

Дальше крутой скалистый подъем, совсем невысокий, и острая вершина, на которой может уместиться только один. Вокруг пусто, дали теряются в жарком мареве, перетекают незаметно в бездонное небо с одиноким беспощадным солнцем. А вот на горизонте быстро поднимается облако странной формы и цвета. В воздухе ни ветерка, а оно растет на глазах. Чудно!

Пес очень серьезен:

– Слушай меня. Сейчас поднимешься на вершину и поставишь лапы... как их там у тебя, ладони. Главное, не суетись. Вы все, щеняры, любите блох гонять! Так вот, не лови ничего! Все само придет, что тебе предназначено. А то как примутся ловить, что попало! Мусору нагребут – и рады.

Понял? Лапы кверху! Я тут намедни одного еле вытащил. До того наловился, что кулаки разжать не смог. А что поймаю!... Эх!..

Я слушал внимательно и пытался понять, что меня ожидает. А в мире все менялось: свет тускнел, спустились внезапные сумерки. Туча... нет, не туча, а огромная воронка над моей головой, а в ее глубине тьма и яркие вспышки.

– Все, лезь давай! Встанешь ровно и лапы кверху! И стой, что бы ни случилось! Пошел!

Он лизнул мне руку на прощание и подтолкнул носом к крутому подъему.

Первые шаги дались непросто. Удивленные мышцы засопровтивлялись и заболели. А потом вдруг поняли, что от них требуется, и я быстро двинулся вперед, цепляясь руками и отталкиваясь от надежных опор.

Из воронки над моей головой слышался гул и отдаленный грохот. Черная тьма в ней светлела, разгораясь голубым пламенем, лучилась яркими сполохами.

Последний толчок, последний рывок – и я выпрямился в ярком свете, лющемся из воронки. Больше ничего не видел я вокруг, кроме слепящего света. И поднял я руки к нему навстречу, раскрыв ладони.

И обмер, не чуя ни рук, ни ног.

Мимо моих раскрытых ладоней запорхали денежные знаки всех стран мира, горохом посыпались блестящие разноцветные камушки и золотые побрякушки, гулко хлопалась

и катилась по склону под моими ногами бытовая техника и мебель от ведущих дизайнеров. Пролетали некие существа в одеждах и без одежд. Гремели обрывки мелодий. Носились вьюгой идеи, образы, очень умные мысли. Возникали и исчезали тексты с круглыми печатями и без круглых печатей.

Раза два руки мои непроизвольно дернулись. Один раз мимо меня пронесся, как пушечное ядро, открытый бочонок с черной икрой. Да, грешен, люблю я ее, черную икру!.. Знать бы еще, что это такое!..

А второй раз, когда некая красавица в совершенно прозрачной тряпице на бедрах сделала возле меня пару кругов. Но я гордо отвернулся от нее и еще выше поднял ладони к небу.

А оно светлело. Воронка теряла четкие очертания, становилась все бледней и вдруг полилась розовым дождиком мне в руки. Я сомкнул ладони лодочкой, и горячая влага тут же их наполнила, застыв живым трепещущим комочком.

Это было сердце! Оно весело билось в руках у меня и радовалось своему рождению! А я слышал и понимал его. «Люблю, люблю, люблю! – смеялось сердце в моих руках. «Люблю, люблю, люблю!» – кричало ему мое собственное. И вот сердечко в моих ладонях начало таять и исчезать в моих пальцах. Они порозовели, горячая пульсирующая волна покатилась по запястьям, поднялась двумя потоками к плечам, собралась в единый бьющийся комок в яремной ямке и скользнула вниз, к сердцу.

Наполнилось сердце мое – и засмеялся я от радости!

Сердца-сердечки мои! Что ж так дрожите? Ведь это всего лишь ночной ветерок шевелит ветви. Ведь это всего лишь лунный свет лег так причудливо на толстый обломанный сук над моей головой! И лишь светлячки, два зеленых светлячка. Их много вокруг, а эти самые яркие!

Не сомкнуть мне глаз. Беспокойная вещь – сердце! А надо бы заснуть, сил уже нет. Едва родившись, судорожно цеплялся за перья Грифона, долго шел по райским кущам, чтобы поймать в ладони Великий Дар.

И что теперь делать мне с этим Даром, если я двинуться от страха не могу?

Кто ты, сидящий там, в листве, над головой моей? Почему так зло горят твои глаза?

Я медленно перевел дыхание и спросил тонким дрожащим голосом:

– Кто здесь?

Короткий хриплый смех и молниеносное движение пятнистой лапы с мощными когтями прямо перед моим лицом!

Я с криком прижимаюсь к земле. И тут же сверху обрушивается на меня – горячий, тяжелый, пятнистый!..

И я перестаю быть в этом мире, где все такое чужое и злое! И просыпаюсь в мире совсем ином...

В этом мире светло и солнечно! Кожистое ложе подо мной

колеблется, ласково меня баюкая. Сверху меня прикрывают огромные зеленые листья. Низкий трубный голос прямо из глубин моего ложа гудит:

– А вот как на хвост тебе сейчас наступлю! Что ты мне на это скажешь, воспитатель зубастый!

– Ну-ну! Наступил один такой, – лениво мурлычет другой голос где-то внизу.

Я поднимаю голову. Мое ложе высоко над землей. Увидеть ее мне мешает огромное, багрово просвечивающее на солнце... слоновье ухо!

Огромный слон, на шее которого я спал под листьями, почувствовал мое пробуждение:

– Малышок! Проснулся? Ну-ка, посмотрю.

Ко мне снизу поднялся хобот толще меня самого. Очень теплый, солнышком нагретый, на свету жемчужно-серебристый, в тени темно-синий, он ловко подхватил меня под колени и опустил ниже. Теперь прямо на меня смотрел ласковый, утонувший в синеватых складках, слоновий глаз. И так-то весело он прищурился и подмигнул, что я засмеялся и потянулся к огромной голове обеими руками. Распластался по теплой жесткой щеке, пробормотал: «Слоник мой...»

Слон ласково вздохнул. Струя воздуха прокатилась по хоботу, твердым валиком прошла по моей спине и пояснице. Пару раз качнув, Слон бережно опустил меня на землю. Кто-то насмешливо фыркнул за моей спиной. Я обернулся.

Огромный леопард лежал в пяти шагах от меня и лениво

лизал лапу. Чуть оторвавшись, с лапой на весу, прищурился на меня и вернулся к прерванному занятию.

Сейчас в ярком свете, да еще рядом с моим Слоником, он ничуть не был страшен. Просто очень большая, гладкая кошка в красивых пятнах по всей шкуре.

– Ну что, малыш, больше его не испугаешься? Он с тобой всего лишь поиграл ночью, – прогудел мой Слон.

– Поигра-а-ал? Повоспи-и-итыва-ал! – мяукнул Леопард и опустил, наконец, свою лапу.

Теперь лежал он в гордой позе сфинкса. Зеленые глаза жмурились лукаво и благодушно.

– Котя-ат надо воспитывать, чтобы не выросли из них слоня-ята.

Потянулся всем телом, пятна на шкуре загорелись на солнце темным янтарем. Я совсем осмелел и, оставив надежный слоновий хобот, подошел к леопарду и присел рядом в траву, чтобы спросить, как надо воспитывать котят. Рука моя так сама и потянулась к янтарным пятнам.

Стремительно изогнувшись, Леопард вдруг цапнул меня за локоть, крепко, но не больно зажав его в клыках. Я ойкнул и дернулся – стало больнее. Но глаза Леопарда косили на меня не зло, а насмешливо.

– Не спеши, не суетись! – протрубил позади меня Слон.

– Не асс-сказы-ай! – зашипел Леопард.

– Как же учить, если не подсказывать? – недовольно бурчал Слон, переступая тяжелыми ногами.

Мне стало интересно. Заглянув в пасть и рассмотрев в подробностях зажавшие мой локоть загнутые клыки, я попробовал повернуть руку. Пасть тут же сжалась сильнее, все же не причиняя особой боли, а глаз сверкнул еще лукавее. И вдруг метнулся вбок за легкой тенью пролетающей бабочки. Я почувствовал, как замок клыков на мгновение ослабил хватку. И опять его лукавый глаз косил на меня: «Будь хитрым, будь умным – и победишь!»

Ага! Пусть бы еще взглянул в сторону! Как бы отвлечь его? На что бы переключить его цепкий взгляд? Краем глаза Леопард следил за каждым моим движением – и видел все!

А что я могу видеть краем глаза? Спину с пятнами темно-го янтаря. Дальше ясное небо и зеленый простор. И еще что-то движется неторопливо, возникая в поле зрения и опять исчезая. И иногда касается моей спины и ног. Так это леопардов хвост!

Так, теперь собраться и правильно рассчитать время. Я напрягся. Глаз Леопарда тут же скопился на меня еще внимательнее. Прочитал мои мысли? Не дам читать! Я думаю о своем локте и о твоих клыках – и все, слышишь!

Хвост мелькнул энергичнее и через секунду коснулся моего бока.

И я, вывернув назад свободную руку, почти схватил его. И победил! Леопард вздрогнул, ржал челюсти и развернулся, как пружина. А я метнулся к Слону под защиту длинного хобота.

Леопард оскалил пасть и рыкнул мне вслед, потом задумчиво лизнул хвост:

– А он не безнадежен! – протянул благодушно.

– Наигрался?! – сердито гукнул мой Слон. Он был очень встревожен.

– Ничего ты в воспитании не понимаешь! Тебе бы только кого на спине поносить! – Леопард повернулся на бок, открыв светлое плотное брюхо. – Сам на своих тумбах смотришь сверху – и никто тебя не тронет. А ему, малышу, не за хобот твой надо держаться, а жить в этом мире. А то ведь Путь ему на твоём хоботе не пройти.

– Так ты ему объясни, научи! Вон он какой у нас понятливый! – возмущенно трубил мой Слон. – А тебе бы все зубами!

– Ах, какой он у нас понятливый! – весело оскалился Леопард. – Не расслаживайся, понятливый, солнце уж высоко! А Путь впереди дальний!

Слоновий хобот бережно приласкал мои плечи:

– Иди, малыш, он прав. Этот Путь ты не пройдешь на моей спине. Расти, малыш, сильным! И прощай!

Я обнял его хобот изо всех сил:

– Слоник мой!..

Хобот подхватил меня под коленки, слегка покачал на весу, бережно сжал и опустил на землю. Слон медленно повернулся и пошел прочь, покачивая головой. Темно-синий, с багрово просвечивающими на солнце ушами.

– Пора, котенок, в дорогу! – ласково мурлыкнул мне Леопард. Он, похоже, был растроган. Подошел ко мне и лизнул руку горячим шершавым языком, заглянул в глаза:

– Готов? Теперь делай как я! Сожмись в комок! Чувствуешь, как распирает тебя твоя сила? Наполнись ею до кончика хвоста! Эх, бесхвостый! До каждого коготка! Еще туже! Еще! Пусть откликнется тебе каждая шерстинка на твоей шкуре и скажет: пора!

А теперь – рывок! И вперед! И нет преград тебе!

После вчерашнего безумного бега я не помню, где свалил меня сон. Забыл, в какой момент перестал чувствовать землю и траву под ногами, – все камни и камни, все круче и круче. И не остановиться было, не передохнуть – негде! Но кажется, нашел какую-то глубокую щель среди камней.

И все – дальше сон!

Открыл я глаза в слабом неверном свете. Где-то рядом гулко, мерно падали капли в невидимую емкость.

«Пить, пить хочу», – подумал я. Приподнявшись, огляделся в поисках воды. Густой мох устилал уголок, в котором я лежал. Мое тело оставило в нем темную вмятину.

Похоже, мох хорошо согревал меня всю ночь, потому что, поднявшись, я сразу задрожал от холода, даже зубы застучали. Сделав несколько шагов на четвереньках, я вылез из своего закутка за угол и тут же увидел перед собой углубление, переполненное водой. Тонкие ниточки ручейков сочились из него по мху и исчезали в нем. Сверху, из темноты, мерно срывались вниз чистые капли.

Я припал к маленькому, с тарелку величиной, озерцу и, захлебываясь от жадности, сделал несколько глотков. Вода была очень вкусная, совершенно ледяная, но как ни странно, я тут же согрелся.

Свет шел из-за поворота, скудный, неясный, но мои глаза

уже различали влажный мох под ногами, на стенах и над головой низко-низко. А почему так низко?

Как вообще меня вчера сюда занесло? Я ведь не помню, чтобы двигался по узким низким коридорам в тот темный уголок, где уснул. Странно, я даже выпрямиться здесь во весь рост не могу. Как же я двигался, ползком? И неизбежно ткнулся бы носом в это озерцо с водой. Ничего такого в памяти нет.

Устав думать о таких непонятных вещах, я двинулся на корточках, на четвереньках, к свету. Вот он, выход, за поворотом!

И я обомлел. За эту ночь мир исчез.

Перед глазами был снежный сугроб, почти заваливший вход в мое убежище. За моей спиной тьма пещеры, перед глазами белизна снега, а дальше все исчезло в густом тумане.

Держась за стену, я сделал шаг в снег. Нога ушла в него почти по колено. Я разгреб сугроб, утоптал площадку – а дальше? Вгляделся в дымку перед собой и в ужасе понял, что дальше нет и снега. Там просто пусто – обрыв, бездна. Голова моя закружилась, в ушах зазвенело, и я с размаху сел, больно ударившись спиной о стену моего убежища.

И куда двигаться? Где же здесь путь? И где Тот, Кто Подскажет Дорогу? В этом мире всегда у меня был кто-то рядом.

Дрожь прошла по телу. Ногам моим, обутом в темно-синие высокие сапоги с широкими подошвами, было тепло. Но снег набился под черную куртку с желто-коричневыми

пятнами и обжигал холодом спину.

Кто-то фыркнул рядом со мной. Я радостно вскинул голову, но лишь туман вокруг.

– Кто? Кто это? – мой вскрик будто в мягкой вате утонул. Тишина. Вдруг колыхнулся туман – почудилось в нем легкое движение. Промелькнуло и исчезло.

И опять фыркнул кто-то невидимый – уже с другой стороны. Повернув на звук голову, я увидел перед собой на снегу отчетливый след большой когтистой лапы. И еще след. И еще. Следы удалялись от меня и терялись во мгле.

Если мой невидимка здесь прошел, значит, пройду и я.

Шаг за шагом я удалялся от моего убежища. Следы поднимали меня все выше. Я слышал легкие прыжки, и комья снега летели на меня сверху. Если я останавливался в нерешительности перед следующим шагом в пустоту, надо мной тут же раздавалось недовольное фыркание, и я торопливо поднимался дальше.

Снег подо мной становился все плотнее, подъем все круче. И все светлее вокруг. Подняв голову, я увидел светлое пятно в тумане – солнце. С каждым моим шагом вверх его контуры все четче, диск все ярче.

Неловкое движение, нога скользнула по ледяной корке. Я теряю равновесие и начинаю сползать вниз, в туманную бездну.

Хриплый зов из тумана, неясная тень мелькнула передо мной. Я судорожно вцепляюсь рукой в мягкое, пушистое –

и удерживаюсь. Нога находит надежную опору. Но мягкое и пушистое тут же тает в руке моей. И я опять поднимаюсь вверх.

Еще несколько коротких сильных рывков и толчков, и я выбираюсь на каменистую равнину. Здесь совсем светло, и Путь виден ясно. Солнце шариком висит на белесом небосводе – светит и не греет. Туман застилает дали. А там, откуда я поднялся, густое плотное облако, лежит в мертвом покое. Ни звука, ни движения оттуда. Глухая тишина.

Там в тумане остался Тот, по чьим следам я поднялся наверх, за чей мех ухватился и удержался под пропастью. Я махнул ему в туман рукой. Может быть, он видит меня оттуда? Наверно, видит – фыркает мне в ответ, а затем слышен удаляющийся скрип снега.

Я опять один. В какую сторону идти? В белесой мгле я замечаю красное пятно. Костер?

С каждым моим шагом из тумана проступают контуры большого дерева с раскидистой кроной, усыпанной яркими красными плодами. Они светят мне издалека, и я понимаю, что не заблудился.

Еще десяток шагов – и я вступаю под крону, как в шатер. Твердые блестящие листья растут так густо, что в шатре было бы темно, если бы не пронзительный свет плодов.

Ни ветерка не было в туманном мире. Но надо мной в высокой кроне что-то звенело, гудело, шелестело. Плоды меркли и наливались светом вновь в неуловимом ритме. Яблоки –

не яблоки, идеально круглые и краснеющие всеми оттенками, разные по величине: от крохотного орешка до прилично-го арбуза. Я не мог оторвать от них взгляд. Постепенно тело мое будто исчезло, остались глаза и уши. И огромный бездонный сосуд под черепной коробкой, куда лился раскаленным потоком красный свет плодов и неумолчный гул и шорох. Когда сосуд наполнился светом и звуками, поток перелился через край. Удивительные вопросы рождались в этом потоке и застывали на стенках сосуда прозрачными причудливыми комьями.

- Что делать, если нельзя, но очень хочется?
- Где Каин нашел себе жену?
- Куда девается пламя погасшей свечи?
- Возможна ли дружба меж мужчиной и женщиной?
- Как вовремя догадаться, что ты счастлив?
- Как разделить число на 0, если позарез необходимо?

Вопросы, на которые я не видел ответа, переполняли меня, разрывали изнутри, жгли и мучили. А следом шли новые:

- Тебе нужно все это знать?
- Зачем тебе все это знать?
- Что ты будешь делать с этим знанием?
- Каким ты станешь, узнав все это?

Новые вопросы упали в меня прохладными каплями и застыли глубокими шестигранными ячейками, которые тут же наполнились неразрешимыми вопросами в строгом и удобном порядке. Оцепенение прошло, я вернулся в мир, из ко-

того выпал на время. Новые вопросы все сыпались, но уже не беспорядочно, а укладываясь в нужную ячейку, не мешая мне и друг другу.

– Как монахи обходятся без женщин?

– Какую взятку следует предложить президенту страны, чтобы пробудить к себе искренний интерес?

– Что быстрее появляется в этом мире: новое лекарство или новая болезнь?

– Если любишь человека, то кто кому делает одолжение?

От этих колючих, жестких вопросов мир вокруг обретал плоть. Я ощутил почву под ногами, утопанную миллионами ног, кору древнего дерева, отполированную миллионами рук и покрытую глубокими насечками: кто-то пытался прорубить в ней ступеньки. Зачем? Плод сорвать? Они же под рукой – любой выбери. Или кто-то до меня искал не любой, а один-единственный?

А может и мне надо сорвать свой плод? Кто бы подсказал? Я оборачиваюсь.

Удивительно! В тени дерева я и не заметил, как растаял туман! На бескрайней зеленой равнине деревья шагах в пятидесяти друг от друга, такие же старые и раскидистые, усыпанные горячими плодами. Сад, бережно посаженный неведомым садовником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.